

Специфика нарративной структуры романа Л. Юзефовича «Журавли и карлики»

 Макарова, Виктория
Петровска, Юстына

Специфика нарративной структуры романа Л. Юзефовича «Журавли и карлики»
Verbum, vol. 11, 5, 2020
Vilniaus Universitetas

Disponible en: <https://www.redalyc.org/articulo.oa?id=694774437004>

DOI: <https://doi.org/10.15388/Verb.16>

Esta obra está bajo una Licencia Creative Commons Atribución 4.0 Internacional.

Специфика нарративной структуры романа Л. Юзефовича «Журавли и карлики»

The Narrative Form in Leonid Yuzefovich's Novel "Cranes and Dwarfs"

Виктория Макарова

Вильнюсский университет, Lithuania

viktorija.makarova@flf.vu.lt

 <https://orcid.org/0000-0002-4226-4755>

Юстына Петровска

Вильнюсский университет, Lithuania

j.petrovska1995@gmail.com

Verbum, vol. 11, 5, 2020

Vilniaus Universitetas

Recepción: 13 Diciembre 2020

DOI: <https://doi.org/10.15388/Verb.16>

Резюме: Исследование показало, что свободный косвенный дискурс использовался в романе Леонида Юзефовича «Журавли и карлики» для передачи точки зрения речи и повествования от лица всех трех главных героев романа (Жохова, Шубина и Анкудинова), доминировала при этом точка зрения Жохова. В статье обсуждаются обнаруженные нами в тексте романа «Журавли и карлики» виды конструирования свободного косвенного дискурса. А именно: несовпадение субъекта речи и субъекта сознания в указании пространственной или временной локализации персонажа; вплетение в голос субъекта речи голоса персонажа посредством указания на восприятие (физическое или интеллектуальное) ситуации, или объекта, или природных явлений персонажем; передача в рамках речевого акта повествователя мыслей и субъективного восприятия действительности персонажем; передача в рамках речевого акта повествователя внутреннего состояния и эмоциональных переживаний персонажа; соединение голосов повествователя и персонажа способом называния родственных связей и частей тела персонажа. В статье также приводится список речевых маркеров, свидетельствующих о совмещении точек зрения автора и персонажа в рамках одного речевого акта.

Ключевые слова: лингвистический анализ художественного текста, свободный косвенный дискурс, эгоцентрические элементы, тип повествователя, нарратив.

Abstract: The paper is devoted to the features of the narrative form of Leonid Yuzefovich's novel "Cranes and dwarfs". The authors of the paper focuses on the lexical and grammatical tools that allowed the author of the novel to introduce different types of a narrator into the text.

Examples illustrating that in the text of the novel under analysis the speaker and the beholder do not always match: 641 examples were related to varieties of free indirect speech. The following types of the free indirect speech constructions were analysed: when the subject of speech and the subject of consciousness differ in such cases: 1) indication of the spatial or temporal localization of the character; 2) an indication of the physical or intellectual perception of the situation (or object, or natural phenomena); 3) broadcast of the character's thoughts; 4) description of the character's emotions; 5) nomination of relatives and body parts of the character.

As well as a list of lexical-grammatical markers of the modernist narrative form of the novel "Cranes and dwarfs" are provided in the report.

Keywords: Linguistic analysis of literary text, free indirect speech, egocentric elements, type of narrator, narrative.

Изучение форм повествования является одной из актуальных проблем современной лингвистики. Как известно, одним из первых на формы организации повествования, особенности присутствия «голосов» героев и автора в романе обратил внимание Михаил Бахтин. Развивая идеи М. Бахтина, структуру языка художественной прозы, «разные виды внехудожественной литературной авторской речи и ... стилистически обособленные речи персонажей» (Бахтин 1975, с. 75) изучали многие ученые, и в настоящее время уже существует довольно много работ, в которых обсуждаются не только теоретические аспекты проблемы типов повествования, но и анализируются непосредственно художественные произведения: например, рассказ А. Ремизова «Змей» (Барковская 2004), романы Г. Газданова (Е. Н. Проскурина, П. В. Проскурина 2007), «Воспитание чувств» Г. Флобера, «Процесс» Ф. Кафки и рассказ В. Набокова «Озеро, облако, башня» (Журди 2009), повесть М. Кураева «Ночной дозор» (Давыдова 2009), роман В. Маканина «Асан» (Арзямова 2011), очерк И. С. Шмелева «Старый Валаам» (Конкина, Сотков 2013), проза В. Дегтева и В. Пелевина (Рабданова 2018), а также дискурс репортажей (например, Тепляшина 2018) и т.д. Следует также отметить, что в настоящее время активно исследуется нарративная структура не только художественных текстов, но также и медиотекстов, но внимание в настоящей статье сосредоточено на проблемах художественного нарратива.

Наша работа выполнялась с мыслью о том, чтобы внести лепту в дело исследования различных типов повествовательных структур, что позволило бы более точно охарактеризовать идиостиль автора и особенности организации повествовательной структуры художественного произведения. В фокусе статьи – проблема взаимоотношения субъекта речи (повествователя) и персонажа в одном из романов Л. Юзефовича. Актуальность и новизна исследования заключается в том, что, во-первых, до сих пор все еще в недостаточной степени исследованы особенности специфики повествовательной ситуации в постмодернистских произведениях. Во-вторых, роман «Журавли и карлики» с точки зрения специфики повествовательной ситуации учеными не исследовался.

История вопроса. Одним из функционально смысловых типов речи, исследуемых в русле лингвистики нарратива, является *повествование*. Повествование – это «манера ведения речи, способ рассказывания, зависящий от ее субъекта» (Грехнев 1997, с. 167), «событие рассказывания» – существенная сторона литературного произведения, весьма сложно организованная» (Барковская 2004, с. 25). А повествователь – это представитель автора в рамках анализируемого текста, имеющий образ, соответствующий желанию автора (Падучева 1995, с. 40). Одной из важных особенностей произведений является расстояние между временем действия и временем нарратива (Поспелов 1976, с. 184). В повествовании время

делится на *нарративное прошлое, нарративное настоящее и историческое настоящее* (Леонтович, 2011, с. 92). Однако, повествование чаще всего ведется в прошедшем времени, а повествователь как бы рассказывает о воспоминаниях случившегося (Поспелов, 1976, с. 184).

Лингвисты по-разному классифицируют *типы повествования*. Так, например, Е. Н. Проскурина и П. В. Проскурина выделяют три вида нарратива: повествование от имени персонализированного повествователя, повествование имперсонализированного повествователя и повествование со стороны автора, обладающего «нейтральным знанием» (2007, с. 204).

Ряд исследователей, например, А. С. Конкина и В. А. Сотков (2013), С. Н. Филюшкина (2012) и др., опираясь на исследования Ф. Штанцеля, предлагают следующее деление типов повествования: ««Я-ситуация» (повествование от первого лица); «аукториальная» повествовательная ситуация (доминирует внешняя точка зрения); «персональная» повествовательная ситуация (преобладает модус «рефлектора»)» (2013, с. 191).

Многие ученые (Н. В. Журди, О. В. Арзымова, А. С. Конкина, В. А. Сотков), придерживаются классификации типов повествования Е. В. Падучевой. Е. В. Падучева считает, что существует три основные формы повествования: повествование от 1-го лица, повествование без 1-го лица (т.е. традиционный нарратив) и свободно-косвенный дискурс (Падучева 1995, с. 42). В форме повествования от 1-го лица представлен диегетический повествователь (т.е. рассказчик), принадлежащий и участвующий в литературном произведении (там же). Начало развития данной формы повествования относится к XVIII в. Одновременно с этой формой повествования существует и нарратив без 1-го лица, достигший своей вершины в XIX в. Традиционный нарратив представляет литературный мир никем не изображаемым, т.е. создается ощущение объективности, где «повествователь и персонаж – конкурируют друг с другом за право владения эгоцентрическими элементами» (Падучева 1995, с. 43).

Самой молодой формой повествования, относящейся к литературной манере XX в., является *свободно-косвенный дискурс* (далее – СКД). Как пишет Н. Журди, «термин СКД относится одновременно к лингвистике и нарратологии и представляет собой языковой феномен, который характеризуется определенными грамматическими и нарратологическими параметрами и для диагностики которого нельзя ограничиваться одним предложением и необходимо учитывать более широкий контекст» (Журди, 2009, с. 84). С нарратологической позиции СКД отличается тем, что устраняет повествователя из повествования и объединяет голоса повествователя и персонажа (Журди, 2009, с. 84). Вследствие данного переплетения голосов нарратора и персонажа могут проявляться концепты двуголосия (*dual voice*) и двусмысленности (*ambiguïté*) (Журди 2009, с. 84). Таким образом, СКД может «изнутри» охарактеризовать

субъекта, и данное описание будет похоже на внутренний монолог вместе с потоком сознания (2009, с. 85).

При анализе повествовательной формы огромное значение имеет внимание к **вводным оборотам и эгоцентрическим элементам языка** (по Падучевой 1995), именно эти лексико-грамматические единицы неопровержимо свидетельствуют о присутствии нарратора в тексте, о несовпадении субъекта речи и субъекта сознания в дискурсе художественного текста. Маркерами различных образов говорящего служат такие лексико-грамматические единицы, как междометия, модальные частицы, метатекстовые вводные обороты, неутвердительные речевые акты, обращения или речевые жесты и др.

Процедура исследования. Основополагающими в выборе методики исследования и теоретического базиса работы для нас явились работы Е. Падучевой и Н. Журди.

Для создания выборки мы выписали из текста романа все примеры СКД (всего 641 микроконтекст). Затем мы распределили избранные нами для анализа примеры на разные группы, в зависимости от того, в каком аспекте в том или ином примере переплетаются голоса повествователя и персонажа, т.е. не совпадают субъект речи и субъект сознания.

В итоге анализа примеров из выборки получилось пять больших групп: 1) несовпадение субъекта речи и субъекта сознания в указании пространственной или временной локализации персонажа; 2) вплетение в голос субъекта речи голоса персонажа посредством указания на восприятие (физическое или интеллектуальное) ситуации, или объекта, или природных явлений персонажем; 3) передача в рамках речевого акта повествователя мыслей и субъективного восприятия действительности персонажем; 4) передача в рамках речевого акта повествователя внутреннего состояния и эмоциональных переживаний персонажа; 5) соединение голосов повествователя и персонажа способом называния родственных связей и частей тела персонажа.

Все эти типы СКД были использованы в тексте романа для передачи точки зрения речи и повествования от лица как трех главных (Жохова, Шубина и Анкудинова), так и второстепенных героев романа.

В каждом из анализируемых примеров нами были выделены языковые маркеры, при помощи которых был построен СКД.

В нижеследующем тексте неоднократно звучит определение *несовпадение субъекта речи и субъекта сознания*, а также используются такие слова, как *вплетение*, *несовпадение* голосов персонажа и повествователя и проч., в сущности же речь идет об одном и том же: об объединении голосов персонажа и повествователя, что является определяющей особенностью СКД.

Нарративная структура романа «Журавли и карлики». Действие романа разворачивается в нескольких временных пластах (в Европе XVII в., Москве 1993 г., Монголии 2004 г.). В начале романа («Последний отрог Хэнтейской гряды, Богдо-ул

несколькими могучими кряжами окружает Улан-Батор с юга. Гора считается священной...») повествование строится по типу *Er-Erzählung*: повествователь не принадлежит миру текста. Целью такого повествования является «создание картины объективного бытия» (Гуковский 1959, с. 210). Изображаемый автором романа мир предстает перед читателем как бы сам по себе, что характерно для традиционного типа нарратива.

Постепенно читатель начинает различать в тексте разные, одновременно звучащие, голоса: повествователь начинает «частично уступать персонажу свое право на речевой акт» (Падучева 1995), что характерно для модернистского романа. Ниже в тексте статьи показано, какими способами реализуется «право на речевой акт» персонажа.

1) ГДЕ И КОГДА, или Несовпадение субъекта речи и субъекта сознания в указании пространственной или временной локализации персонажа.

Дейктические языковые элементы, т.е. указание на конкретное место или время, являются показателями пространственного или временного положения персонажа в пространстве, причем наблюдателем является сам персонаж, и это именно он фиксирует свою локализацию в физическом пространстве, хотя повествование ведется с точки зрения повествователя. Например:

(1) *Здесь было также слякотно, промозглая московская зима, отступая, на последнем рубеже обороны оставила только два цвета – черный и серый* (Юзефович 2016, с. 17);

(2) *Напротив сидели две женщины* (Юзефович, 2016, с. 64).

В примерах 1,2 жирным шрифтом выделены маркеры пространственной локализации, указывающие на то, что в речи, ведущейся от лица повествователя, ситуация осмыслена с точки зрения персонажа (*здесь* – т.е. рядом с персонажем, *напротив* – т.е. напротив персонажа). В других наших примерах с пространственным дейксисом, свидетельствующим о несовпадении субъекта речи и субъекта сознания, используются указательные местоимения и местоименные наречия *оттуда, там, так же* и т.д.

Примеры временной локализации персонажа, свидетельствующие о несовпадении субъекта речи и субъекта сознания:

(3) *Сейчас, как вчера и позавчера, там стеной стояла тишина* (Юзефович 2016, с. 57);

(4) *Теперь на ней появилась серебристая «ауди», рядом стоял Гена с двумя молодыми мужчинами без пальто и без курток* (Юзефович 2016, с. 142).

В примере (3) слова *вчера* и *позавчера* говорят читателю о том, что наблюдатель находится в том дне, который следовало бы

назвать «сегодня», т.е. речь идет о временной локализации именно персонажа, существующего в описываемой ситуации. Аналогична интерпретация примера (4): слово «теперь» свидетельствует о точке наблюдения, совпадающей по времени с описываемой ситуацией, т.е. это время, когда ситуацию проживает персонаж. В других наших примерах с временным дейксисом, свидетельствующим о несовпадении субъекта речи и субъекта сознания, используются такие слова, как *сейчас, через полчаса, сегодня, в прошлом году, через четверть часа, с прошлой недели, за последний год*.

Небезынтересным нам также представляется тот факт, что все примеры СКД, реализуемые при помощи хронотопического дейксиса, чаще всего представляют собой отображение точки зрения Жохова – одного из трех главных героев анализируемого романа (таким образом, можно утверждать, что Жохов – это главный герой, который «главнее» героев Анкудинова и Шубина).

2) КТО ОЩУЩАЕТ, или Вплетение в голос субъекта речи голоса персонажа посредством указания на восприятие (физическое или интеллектуальное) ситуации (или объекта, или природных явлений) персонажем.

Примеров в этой группе много, и они весьма разнообразны (по сравнению с примерами с хронотопическим дейксисом) и разнородны с точки зрения принадлежности к той или иной части речи, или семантической группе:

(5) *Внизу ветер почти не ощущался, но вершины елей раскачивались и заунывно шумели* (Юзефович 2016, с. 75).

Кем не ощущался? По-видимому, персонажем, не повествователем.

(6) *Поросль закладок над верхними обрезами говорила о том, что эти книги читались не для развлечения* (Юзефович 2016, с. 54).

Кто «расшифровал» происхождение закладок? Читатель понимает, что ситуация описывается с позиции наблюдателя-персонажа.

(7) *Вслед за дымом взгляд поплыл по вымершему холлу – от стенда местного фотографа с образцами его продукции в одном углу до телефонной будки в другом* (Юзефович 2016, с. 77).

Чей взгляд «поплыл»? Наверняка, речь идет о взгляде персонажа, не повествователя.

(8) *Брат Лельку напрокат по твердой таксе казалось унижительно, к тому же с зимы стоимость даже часовой прогулки составляла для него неподъемную сумму* (Юзефович 2016, с. 19).

Кому «казалось унижительно»? Конечно, не повествователю, а персонажу.

(9) *Непонятно было, за что ему дали по пальцам и окатили грязью, если не за попытку выразить возмущение этой суммой* (Юзефович 2016, с. 320).

С чьей точки зрения ситуация обрисовывается как непонятная? На наш взгляд, повествователь тут уступает право на голос персонажу.

Если все же попытаться дать лексико-грамматическую характеристику языковым маркерам, свидетельствующих о СКД, то мы будем вынуждены признать, что, в отличие от характеристики хронологического дейксиса, невозможно опираться на определенные признаки этих слов и словосочетаний, единственное, что их объединяет, – это наличие смысла ‘физическое или интеллектуальное восприятие’. Трудность заключается еще и в том, что в ряде случаев трудно разграничить случаи, в которых речь идет об ощущении (настоящий параграф) и осмыслении (параграф 3, см. ниже) описываемой ситуации, хотя мы все же постарались отделить эти примеры друг от друга.

3) КТО РАЗМЫШЛЯЕТ, или Передача в рамках речевого акта повествователя мыслей и субъективного восприятия действительности персонажем.

В данном параграфе мы рассматриваем такой вид СКД, при котором наблюдается несовпадение субъекта речи и субъекта сознания, когда речь идет об осмыслении действительности, например:

(10) *Внезапно их линия оборвалась вниз, справа поплыл относительно невысокий штакетник* (Юзефович 2016, с. 114).

Использование наречия «внезапно» свидетельствует о том, что ситуация обрисована с позиции наблюдателя-персонажа. Ведь не повествователя-описателя ситуации удивило, что закончились заборы (в тексте говорится о линии заборов), а того, кто находился внутри описываемой ситуации (т.е. персонажа). Наречие «внезапно» образовано от прилагательного «внезапный», означающего ‘неожиданно наступивший’ (ТСРЯ 2002). Внезапно открывшийся персонажу вид – означает вид, возникший неожиданно, т.е. вопреки ожиданиям кого-либо. И если читатель на миг задумается, чьи же ожидания не оправдались, повествователя или персонажа, то мы уверены, что он, читатель, решит, что речь идет об ожиданиях персонажа. Таким образом, в примере (10) мы видим несовпадение субъекта речи и субъекта сознания.

Анализ прочих примеров из этой группы («Кто размышляет») показал, что маркерами несовпадения субъекта речи и субъекта сознания служили, во-первых, глаголы казаться, оказаться, чувствоваться и прочие глаголы с семантикой мыслительной деятельности, например:

(11) В юности это **казалось** извращением, теперь – следствием тонкой душевной организации (Юзефович 2016, с. 76);

(12) **Чувствовалось**, что его лицо слепо по родовому трафарету, лишь глаза принадлежали ему одному, и то не всегда (Юзефович 2016, с. 20);

(13) Потянуло теплом, **мелькнула мысль** об электроплитке и чайнике (Юзефович 2016, с. 117).

Во-вторых, маркерами несовпадения субъекта речи и субъекта сознания послужили метатекстовые вводные частицы, например:

(14) Из-под нее выставялся ворот дорогой импортной сорочки с галстуком, тоже, видимо, не дешевым (Юзефович 2016, с. 23).

Повествование, казалось бы, ведется от лица повествователя в форме 3-го лица прошедшего времени, но введение элемента «видимо» неопровержимо свидетельствует о том, что ситуация представлена именно с точки зрения мыслей персонажа. Приведем еще несколько примеров высказываний с модальными словами, позволившими «вплести» в речевой акт повествователя точку зрения персонажа

(15) **Вероятно**, это давало ей неплохую прибавку к пенсии (Юзефович 2016, с. 142);

(16) Все, **конечно**, отдавать не будет, но кое-что придется заплатить (Юзефович 2016, с. 29);

(17) Лишь платяной шкаф из мореной фанеры наверняка родился при Сталине (Юзефович 2016, с. 129).

Указанием на то, что читателю представлен результат мыслительного процесса, осуществляемого персонажем, указывают также и некоторые модальные частицы, например:

(18) **Вряд ли** его хоть раз убрали за зиму» (Юзефович 2016, с. 115).

Итак, для конструирования СКД с целью вкрапления в повествование от лица повествователя голоса персонажа (когда речь идет об осмыслении описываемой ситуации) модальные слова используются очень активно (см. примеры 14-17), чуть реже – глаголы, называющие мыслительную деятельность (см. примеры 11-13). Но нужно отметить еще и тот факт, что не одно лишь наличие того или определенного слова или словосочетания, квалифицированного нами как маркер СКД, свидетельствует о СКД. Некоторые высказывания (наподобие примера 16) организованы таким образом, что и без маркера читатель «слышит» в таком высказывании голос персонажа. Под организацией высказывания мы имеем в виду и выбор лексики, и стиль изложения, имитирующий разговорную речь или внутренний диалог персонажа с самим собой. Т.е. материально выраженные языковые маркеры СКД – это доказательство, что речь действительно идет о многоголосии, несовпадении того, кто говорит, и чья точка зрения представлена в акте говорения. В то же время приходится констатировать, что не во всех случаях можно определенно ясно выделить то или иное слово или словосочетание и благодаря этому установить, что речь идет о

СКД. Иногда разные голоса «слышны», но для доказательства требуется анализ более крупного фрагмента текста; так, например, изменение стилового регистра повествования может свидетельствовать о том, что сменились наблюдатели, повествующие о ситуации.

4) КТО ЧУВСТВУЕТ, или Передача в рамках речевого акта повествователя внутреннего состояния и эмоциональных переживаний персонажа.

Группа примеров из этой категории коррелирует с рассмотренными выше примерами в параграфах 2 и 3 («Кто ощущает» и «Кто размышляет»). Корреляция заключается в том, что и в этой группе примеры многочисленны и разнородны, и они также не поддаются краткой характеристике (в отличие от группы примеров хронотопического дейксиса из параграфа 1) и невозможно привести четкий список критериев, по которым высказывание может быть идентифицировано как СКД. Несовпадение субъекта речи и субъекта сознания тут наблюдается в наименовании эмоционального состояния персонажа, причем предложения организованы таким образом, что читатель различает голос персонажа, именно персонаж характеризует, какие чувства он испытывает, например:

(19) *Слово «отец» в таких случаях всегда расстраивало, но сейчас даже оно потонуло в мгновенном облегчении* (Юзефович 2016, с. 56);

(20) *Потребовалось усилие, чтобы заставить себя слушать Марика* (Юзефович 2016, с. 307);

(21) *Нужно было как-то успокоиться, но без спиртного* (Юзефович 2016, с. 309).

Попытка исследовать, чем отличаются высказывания с наименованием эмоций, трактуемые как традиционный нарратив, от высказываний с наименованием эмоций, трактуемые как СКД, позволила нам сделать следующее наблюдение: в примерах, подобных примерам 19-21, при слове, называющем эмоции, не заполнена факультативная позиция дополнения. Например, автор мог бы написать «всегда расстраивало ЕГО», «ЕМУ потребовалось усилие» и т.д. В таком случае высказывание перешло бы в разряд традиционного нарратива, где автор наделен всезнанием и монополией на высказывание.

Весьма многочисленны в романе высказывания по слову «хотелось». Во многих из них повествование ведется от лица повествователя, и одновременно звучит голос персонажа (иными словами, наблюдается несовпадение субъекта речи и субъекта сознания), например:

(22) *Захотелось немедленно позвонить Гене, хотя никаких новостей быть еще не могло* (Юзефович 2016, с. 228).

Приведем еще несколько примеров без контекста: *не хотелось нарушить ее ни звуком; хотелось чувствовать его как Божий дар; возвращаться за стол не хотелось. хотелось есть*. Во всех этих случаях персонаж не назван в третьем лице («ЕМУ захотелось»), таким образом получается, что повествователь передал слово персонажу, внутреннее состояние героя описывается с его точки зрения.

5) «ДВА СЫНА, ДВА ОТЦА ЕЛИ ТРИ ЯЙЦА», или Соединение голосов повествователя и персонажа способом называния родственных связей и частей тела персонажа.

В тексте романа в фрагментах, где повествование ведется от 3 лица, часто используются наименования родственников – причем это называние осуществляется с точки зрения персонажа, например:

(23) *Туристский сезон заканчивался, в «Нюхте» жили только десятка полтора молодых монголов и монголох, по трое в двухместных номерах. При них состояли двое норвежских, как жене сказали на рецепции, миссионеров с профессионально улыбочными лицами и легкой походкой здоровых мужчин, привыкших быть на людях* (Юзефович 2016, с. 7).

В традиционном нарративе повествователь должен был бы сказать «как его жене сказали» или «как жене Шубина» сказали, но автор избрал такой способ, что получается, будто сам персонаж описывает ситуацию.

Похожим образом в тексте романа упоминается дядька Жохова (17 примеров), отец Жохова (14 примеров), его мать (13 примеров), сосед (10) жена (6) и т.д. Иногда сразу несколько родственников Жохова упоминаются в одном предложении, например:

(24) *После фронта у дядьки водились деньги от продажи трофейного барахла, незадолго до ареста он одолжил отцу приличную сумму на зимнее пальто для матери и подозревал, будто отец и стукнул на него в органы, чтобы не отдавать долг* (Юзефович 2016, с. 49).

До и после высказывания, приведенного в качестве примера 24, повествование ведется от лица повествователя, не персонажа; в данном же отрывке явно звучит голос самого персонажа, и языковым маркером тут служит не просто наименование родственника персонажа, а его наименование без указания на пару, кому данный родственник является родственником. Таким образом, получается, что персонаж сам повествует о себе.

В ряде случаев соединение голосов повествователя и персонажа происходит при помощи упоминания частей тела персонажа (и это многочисленные примеры – *спина, затылок, глаза, рот, горло, носоглотка, голова, ладонь*), например:

(25) *Рукоять легла в ладонь как влитая, указательный палец нащупал выдвижной выступ, пробуя его холостой ход, готовясь преодолеть сопротивление пружины* (Юзефович 2016, с. 368).

Интерпретация примеров с указанием на ту или иную часть тела персонажа, трактуемых нами как СКД, аналогична интерпретациям примеров 23-24: если бы принадлежность части тела была указана автором (или, согласно терминологии синтаксиса, если бы в предложении имелось слово, зависимое от слова, называющего часть тела, причем отношения в таком словосочетании характеризовались бы как определительные), в таком случае высказывание соответствовало бы канону традиционного нарратива.

Выводы. Исследование нарративной структуры романа Л. Юзефовича показало, что свободно-косвенный дискурс позволяет этому тексту звучать полифонически – читатель различает в тексте голоса как повествователя, стоящего вне текста, так и персонажей, характеризующих ситуацию изнутри, являющихся участниками описываемой ситуации. Границы между разными формами нарратива нечетки, в романе повествование ведется то с позиции одного наблюдателя, то эта позиция расщепляется на позицию субъекта речи и субъекта сознания. СКД конструируется посредством языковых маркеров, позволяющих отделить одного наблюдателя-говорящего от другого. В создании структуры СКД в романе «Журавли и карлики» были использованы такие эгоцентрические элементы языка, как вводные слова, выражающие мнение говорящего, хронотопический дейксис, указывающий на пространственно-временную локализацию персонажа, глаголы, называющие процесс ощущения, осмысления ситуации.

References

- ARZYAMOVA, O. V., 2011. Dinamika organizacii kompozicionno-rechevyh struktur i ee otrazhenie v romane Vladimira Makanina "Asan". *Vestnik VGU*, № 1, 8–10. Available at: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/philolog/2011/01/2011-01-02.pdf> [Accessed 3/10/2020].
- BAHTIN, M. M., 1975. *Voprosy literatury i estetiki*. Moskva: Hudozhestvennaya literatura.
- BARKOVSKAYA, N. V., 2004. Tipy povestvovaniya i ih analiz. *Filologicheskij klass*, № 11, 17–25.
- DAVYDOVA, A. V., 2009. Poetika povestvovaniya v povesti M. Kuraeva "Nochnoj dozor". *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Vyp. 2, 104–106.
- FILYUSHKINA, S. N., 2012. Problema avtora, tochki zreniya, povestvovatel'noj situacii (na primere romanov Dzh. Barnsa, Dzh. Faulza, G. Svifta). *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya*, vypusk 1 (17), 143–147. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/problema-avtora-tochki-zreniya-povestvovatel'noj-situatsii-na-primere-romanov-dzh-barnsa-dzh-faulza-g-svifta> [Accessed 3/10/2020].
- GREKHNEV, V. A., 1997. *Slovesnyj obraz i literaturnoe proizvedenie: Kniga dlya uchitelya*. Nizhnij Novgorod: Gumanitarnyj centr.
- GUKOVSKIJ, G. A., 1959. *Realizm Gogolya*. Moskva, Leningrad: Izd-vo hudozhestvennoj literatury.
- KONKINA, L. S., SOTKOV, V. A., 2013. Specifika povestvovatel'noj situacii v ocherke I. S. Shmeleva "Staryj Valaam". *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk*, t. 15, № 2, 191–195. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-povestvovatel'noj-situatsii-v-ocherke-i-s-shmeleva-staryj-valaam> [Accessed 3/10/2020].
- LEONTOVICH, O. A., 2011. *Metody kommunikativnyh issledovanij*. Moskva: Gnozis.
- PADUCHEVA, E. V., 1995. V. V. Vinogradov i nauka o yazyke hudozhestvennoj prozy. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, t. 54, № 3, 39–48. Available at: <http://danefae.org/lib/vvv/paducheva.htm> [Accessed 3/10/2020].
- POSPELOV, G. N. i dr., 1976. *Vvedenie v literaturovedenie*. Moskva: Vysshaya shkola.
- PROSKURINA, E. N., PROSKURINA, P. V., 2007. Avtor, geroj, narrativ v "russkih romanah" G. Gazdanova. *Kritika i semiotika*, vyp. 11, 204–220.

- RABDANOVA, L. R., 2018. Svobodnyj kosvennyj diskurs v sovremennoj proze: slovesnye i graficheskie priemy. *Vestnik Buryatskogo gosuniversiteta: Yazyk. Literatura. Kul'tura*, № 2, 70–76.
- TEPLYASHINA, A. N., 2018. Leksicheskie osobennosti svobodno-kosvennogo diskursa reportazhej Andrey Kolesnikova. *Gumanitarnyj vektor*, t. 13, № 1, 136–143.
- ZHURDI, N. V., 2009. Povestvovatel'naya forma kak odna iz osnovnyh kategorij grammatiki narrativa: k voprosu o svobodno-kosvennom diskurse. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, № 1 (3), 81–86.
- ZHURDI, N. V., 2009. Narrativnaya struktura hudozhestvennogo teksta: svobodno-kosvennyj diskurs kak kategoriya lingvistiki i narratologii. *Glottodidactica*, t. XXXV, 59–68. Available at: <https://repozytorium.amu.edu.pl/bitstream/10593/1916/1/05%20NATASCHA%20JOURDY.pdf> [Accessed 3/10/2020].

Sources

- YUZEFOVICH, L. A., 2016. Zhuravli i karliki. Moskva: AST.

Notas de autor

Научные интересы: анализ дискурса, медиалингвистика, современная проза, синтаксис, семантика

Научные интересы: анализ художественного дискурса, современная проза